

На грани между сном и явью

Йосеф Догнал

ABSTRACT: The article analyses the short story «Теперь, когда я проснулся» by Valery Yakovlevich Bryusov. The short story is supposed to be according to its main theme — the longing for absolute individual freedom — one of a lot of similar short stories and novels of the so called Silver Age of Russian literature. Also mentioned are the themes of hostility between the both sexes, of rational and irrational, of madness, life and death or murder and suicide.

KEY WORDS: Valery Yakovlevich Bryusov, freedom, hostility between the both sexes, madness, rational, irrational

Четкое разграничение времени, когда человек, с одной стороны, как будто теряет способность по своей воле направлять свои поступки и мысли и когда он подвластен каким-то странным, стихийным, им самим не управляемым силам, т.е. тема сна и с ним связанного представления о ночи, и, с другой стороны, времени, когда он способен сознательно определять свои поступки, более или менее их рационально обдумывать и оценивать, т.е. того времени, которое связано прежде всего с днем, тематизировалось в русской литературе уже в романтизме. Вновь появляется тема дня и ночи под конец 19-го века, причем она начинает связываться с новыми, до того менее тематизированными коннотациями. Кроме того, чтобы тематизировать прежде всего противоречие светлое — темное (день — ночь, свет — тень), ярко очерченное — расплывчатое, осмысленное — таинственное, человеческое — природное, настоящее — прошедшее, мысленное — чувствуемое, появляется и новая связь, проявляющаяся в противоречиях сознательное — подсознательное, полностью индивидуальное — общечеловеческое, даже стихийно-животное, т.е. на первый план продвигается слой внутренней, психической жизни индивида со всеми ее тайнами и сложными, неподвластными рациональному началу признаками.

Как раз к этой теме обращается в своем творчестве и Валерий Брюсов — один из основоположников русского символизма. Ввиду мы имеем не его стихотворения, а рассказы, которые являются своеобразными экспериментами, моделирующими определенные ситуации, позволяющие писателю заглянуть в избираемые им углы внешнего и внутреннего мира человека. Тем, что его особенно интересует, являются ситуации, ставящие под вопрос некоторые установившиеся представления о человеке как благородном существе, об идеальных межличностных отношениях (часто с установкой показать сложные изгибы отношений обоих полов), о вперед устремившемся прогрессе и индивида, и общества, и техники.

Одним из таких рассказов-экспериментов писателя является и рассказ «Теперь, когда я проснулся», впервые опубликованный в 1902-ом году. Брюсов, устремившийся заглянуть вглубь, во внутреннюю сферу индивидуального «я», выбирает рассказ от первого лица — с формальной точки зрения предоставляется возможность передать читателю как-будто исповедь самого главного персонажа. Добиваясь таким способом впечатления высокой меры аутентичности, писатель способен создать впечатление, что читателю преподносятся именно непосредственные, чисто индивидуальные, только по отношению к самому себе формулируемые, т.е. полностью искренние мысли как свидетельство о том, как сугубо индивидуально мыслит и чувствует, на основе чего поступает (или поступал, так как рассказ показывает случившееся в ретроспективе) герой его рассказа.

В качестве «изучаемого» индивида подбирает Брюсов героя, который освобожден от необходимости ежедневно заботиться о своем благополучии, освобожден и от необходимости подчиняться другим. Не приводя точную информацию, как именно обеспечен его герой, он его словами напоминает о том, что «Миновали дни ученичества и подчиненности. Я был один, у меня не было семьи, мне не приходилось трудом добиваться права дышать. Я имел возможность отдаваться безраздельно своему счастью»¹. Будучи с точки зрения материального обеспечения полностью беззаботным герой получает таким способом возможность использовать все свое время для себя самого — по своему выбору и без оглядки на других — поэтому подчеркивается его одиночество и бессемейность. И он выбирает чуть странный, но по определенной, им оправданной «логике», понятный способ времяпровождения — сон. Основной мотив такого выбора — достижение абсолютной индивидуальной свободы, полной независимости от внешнего мира и — что оказывается для героя особенно привлекательным — какого-то изначального состояния субъекта, в котором он лишается связи с внешним по отношению к нему миром. Во сне он освобождается даже

¹ В. Брюсов: *Теперь, когда я проснулся*. В: *Idem: Повести и рассказы*. Москва 1983, с. 45.

от своего включения в определенное время/эпоху, т.е. сон представляет для него состояние полного освобождения от всего постороннего (общественного, вечного, временного), это даже состояние ощущаемой им безответственности и безнаказанности, полного «ухода» из всего окружающего его мира, его правил, морали, законов. Сон для него — это бытие только наедине с самим собой, возможность создать параллельный внешнему миру, но независящий от него свой собственный мир: «Это не часы обычного сна, когда дневное сознание, хотя и померкнув, еще продолжает руководить нашим сонным „я“; это и не дни безумия, умопомешательства: тогда на смену обычным влияниям приходят другие, еще более самовластные. Это — мгновения того странного состояния, когда наше тело покоится во сне, а мысль, зная то, тайно объявляет нашему призраку, блуждающему в мире грез: *ты свободен!* (курсив мой — Й.Д.). Поняв, что наши поступки будут существовать лишь для нас самих, что они останутся неведомыми для всего мира, мы вольно отдаемся самобытным, из темных глубин воли исходящим, побуждениям»². В такие моменты рассказывающий субъект как будто раздваивается на два начала: физическое (*тело*) и психическое (не только *мысль*, но и *побуждения, инстинкты*). Именно это двойное расщепление рассказывающего субъекта настораживает, указывая на сложное существование человека не только в сфере физического бытия со всеми ограничениями, вытекающими из него (напр. по отношению к пространству и времени), но и в сфере душевного бытия, в которой вовсе не всегда первенствует рациональная, сознательная мысль.

Именно «то другое», инстинкт, подсознательное (может быть, не только человеческое, но отчасти и животное) становится интересным герою рассказа. Он в самом начале рассказа высказывает свое кредо, свою философию человека, то, что определяет все его поступки: «...в тайне души я был убежден, и убежден даже и теперь, что по своей природе человек преступлен. Мне кажется, что среди всех ощущений, которые называют наслаждениями, есть только одно, достойное такого названия, — то, которое овладевает человеком при созерцании страданий другого. Я полагаю, что человек в своем первобытном состоянии может жаждать лишь одного — мучить себе подобных»³. Примечательно именно слово «первобытном» — оно же уводит от актуального времени и ищет какой-то вечный принцип, какое-то начало всех начал, окончательную правду, которую в себе субъект находит, считает ее стоящей выше всех, важным достижением своей «философии» — и наслаждается ею, считая себя из-за этого выше других, которые до такой степени познания сути индивидуального человеческого сознания не дошли. Именно это познание приносит ему и моменты наслаждения, в ко-

² Ibidem, с. 44.

³ Ibidem, с. 43.

торых он хочет продлевать по возможности дольше — сон представляет для него с этого времени основной желаемый способ бытия. Сон приносит ему эгоистически понимаемую свободу, сон ставит его выше других существ, сон гарантирует ему безнаказанность за воображаемые, т.е. мысленно совершаемые им действия, так что он пытается усилить и продлевать свое сонное состояние даже при помощи наркотиков. «Я пользовался разными наркотическими средствами: не ради именно ими сулимых наслаждений, но чтобы продолжить и углубить сон. Опытность и привычка давали мне возможность все чаще и чаще упиваться безусловнейшей из свобод, о которой только смеет мечтать человек. Постепенное мое ночное сознание в этих снах, по силе и ясности, приблизилось к дневному и, пожалуй, даже стало превосходить его. Я умел и жить в своих грезах, и созерцать эту жизнь со стороны»⁴. Сон по его убеждению — специфический способ существования индивида, сон — единственный «мир» полного освобождения индивида от всего, что противостоит его жажде осуществлять без всяких ограничений то, что подсказывает комплекс его инстинктов и сложившихся идей и представлений. Сон поэтому по его иерархии ценностей ценнее яви — отсюда и его утверждение: «Я всегда считал и продолжаю считать сон равноправным нашей жизни наяву. Что такое наша явь? Это — наши впечатления, наши чувства, наши желания, ничего больше. Все это есть и во сне. Сон столь же наполняет душу, как явь, столь же нас волнует, радует, печалит. Поступки, совершаемые нами во сне, оставляют в нашем духовном существе такой же след, как совершаемые наяву. В конце концов вся разница между явью и сном лишь в том, что сонная жизнь у каждого человека своя собственная, отдельная, а явь — для всех одна и та же или считается одинаковой...»⁵.

В согласии с тем, что человек в своей первобытной сути, в самой глубине своего внутреннего мира и его основ зол, грешен и преступен по отношению к другим, одним из преимуществ, находимым и прямо смакуемым персонажем рассказа, является именно безнаказанность — что бы он ни сделал во сне, сколько бы он ни наслаждался насилием над другими — никто его не сможет наказать за то, что он совершает только во сне, в ирреальном мире представляемых событий, из которого можно извлекать наслаждение, не рискуя наказанием за то, что в реальном мире — яви — подвергалось бы и строгому наказанию, и презрению со стороны других. Неудивительно поэтому, что в данном состоянии удовлетворения своих вожделий пребывает герой по возможности больше времени, теряя связь с остальными людьми, даже — пользуясь преимуществом сна — решается вводить их в свой ирреальный мир и делать их объектами представляемых

⁴ Ibidem, с. 45.

⁵ Ibidem, с. 44.

им действий, так как он понял, что в данном мире он всемогущ и что овладение другими приносит ему наслаждение: «...мир теперь в моей власти. Я шел ...по дорогам сна, по его дворцам и долинам, куда хотел. При усилении воли, я мог увидеть себя в той обстановке, которая мне нравилась, мог ввести в свой сон всех, о ком мечтал. В первом детстве я пользовался этими мгновениями, чтобы дурачиться над людьми, проделывать всевозможные шалости. Но с годами я перешел к иным, более заветным радостям: я насиловал женщин, я совершал убийства и стал палачом. И только тогда я узнал, что восторг и упоение — не пустые слова»⁶.

Именно такое существование удовлетворяет героя, но его друзья все-таки пытаются обратить его внимание на реальную социальную жизнь, вернуть его в мир яви. Им это отчасти удается — они знакомят героя с приятной и красивой девушкой, он даже женится на ней. Оценочный аспект ретроспективного рассказа персонажа уже однако подсказывает многое: «...*правильная жизнь*, к которой меня принудили, постепенно *затемнила мое сознание* (курсив мой — Й.Д.). Я искренно поверил, что с моей душой может свершиться какое-то преобразование, что она может отречься от своей, людьми непризнанной, правды. Мои друзья поздравляли меня в день свадьбы, как вышедшего из гроба к солнцу»⁷. Кажется, любовь возвращает его в сей мир, мир плоти, материи, морали, законов и вытекающих из этого последствий, т.е. того, что он отказывается от прежней абсолютной свободы и безнаказанности, находя счастье, наслаждение в любви. Такое «возвращение», однако, не оказывается долговечным. Рассказывающий субъект не теряет, а только предает на время забвению убеждение, что реальный мир сер по отношению к миру фантазии во сне — «...никогда, о никогда! не умирало во мне совсем желание иных упоений. Оно было только заглушено слишком осязательной действительностью. И в медовые дни первого месяца после свадьбы я чувствовал где-то в тайниках души ненасыщенную жажду более ослепительных и более потрясающих впечатлений. С каждой новой неделей эта жажда мучила меня все неотступней»⁸. Последнее предложение предсказывает дальнейшее развитие разыгравшегося конфликта между полной свободой в мире сна и ограниченно свободным существованием в мире яви.

В течение нескольких недель после свадьбы герой осознает, что любовь красивой и милой женщины со всеми с ней связанными наслаждениями не способна привлечь его настолько, чтобы мир яви оказался для него более приятным и более привлекательным, чем мир сна. Он отдельными шагами отмежевывается от жены, образовав в библиотеке свой уединенный от нее мирок, и возвращается к своей личной свободе во сне: «Я всячески

⁶ Ibidem, с. 45.

⁷ Ibidem, с. 47.

⁸ Ibidem.

скрывал свою тайну от жены; я дрожал, чтобы она не проникла в то, что я хранил так ревниво. Мне она была дорога, как прежде. Ее ласки услаждали меня не меньше, чем в первые дни нашей общей жизни. Но меня влекло более властное сладострастие»⁹. Попытка заменить прежний мир сна грезами под влиянием морфия, гашиша и индийского мака приводит рассказывающего к заключению, которое свидетельствует о том, что для него важнее всего другое: «...я с бешенством вспоминал длинные смены картин, проходивших предо мной, соблазнительных и увлекающих, но подсказанных не моей прихотью и исчезнувших *не по моей воле* (курсив мой — Й.Д.). Я изнемогал от ярости и от желания, но был бессилён»¹⁰. Наконец он полностью погружается опять в прежний свой мир абсолютной свободы и им совершаемого произвола.

Совмещение обоих миров оказывается невозможным. Начинается закономерное по извращенной логике героя завершение рассказа: тем, кто его увел из очаровательного мира сна, явилась его жена, перед ней ему приходилось лгать и притворяться, из-за любви к ней потерял свою эгоистическую свободу, так как хоть в определенной мере, но все-таки действовал по правилам общества, по этикету, по принципам морали — именно того, чему может не подчиняться в мире сна. Неудивительно поэтому, что способность вызвать в мир сна кого угодно, приводит героя к тому, что тем, над кем он захочет совершить насилие, становится его жена. Она же помешала ему оставаться в приятном ему мире, она представляет собой опасность — она же может угадать, она же может обвинять... В первый же день, когда ему вернулась способность контролировать свои сны, он использует возобновленную способность контролировать свои действия во сне, следить за ними как будто издали — и идет к своей жене, смотря на себя извне как на какой-то призрак: «...своим вторым сонным сознанием, я увидел самого себя стоящим за дверями моей библиотеки. „Пойдем, — сказал я своему призраку, — пойдем, она спит сейчас, и захвати с собой тонкий кинжал, ручка которого отделана слоновой костью”»¹¹.

Точно так, как задумал, совершает рассказчик суровое убийство жены, описывая довольно подробно ее попытки спасти себя от его бешеного нападения. Рассказчик повествует об убийстве как о происходящем как раз в мире сна, виртуально — однако только до той поры, когда происходит что-то для него неожиданное: «Тогда такое потрясающее отчаяние охватило мою душу, что я тотчас рванулся, чтобы проснуться, и не мог. Я делал все усилия воли, ожидая, что стены этой спальни распадутся вдруг, уйдут и растают, что я увижу себя на своем диване в библиотеке. Но кошмар не проходил. Окровавленное и обезображенное тело жены было предо мною

⁹ Ibidem, с. 47—48.

¹⁰ Ibidem, с. 48.

¹¹ Ibidem, с. 49.

на постели, облитой кровью. А в дверях уже толпились со свечами люди, которые бросились сюда, услышав шум борьбы, и лица которых были искажены ужасом. Они не говорили ни слова, но все смотрели на меня, и я их видел. Тогда вдруг я понял, что в этот раз все, что свершилось, было не во сне»¹².

«Перегородка» между сном и явью не сработала, его мозг оказался неспособным различать, что происходит в обоих им обитаемых мирах — оба мира соединились, причем мир сна лишился своей мнимости. Все произошедшее в нем лишилось своей безопасности и безнаказанности — желаемое стало действительностью, животное, «первобытное» начало, потеряв свое виртуальное существование, превратилось в реальность, призрак убийцы стал реальным убийцей. Подтвержается то, что приводится в подзаголовке рассказа — «записки психопата». Это обозначение является отчасти определением жанра (хроникальное повествование о прошедшем), но и характеристикой главного героя, мнимого автора записок — психически «вывихнутого» человека.

Брюсовский рассказ впитывает в себя одновременно несколько тематических центров рубежа XIX — начала XX веков. Это на первом месте кардинальная тема личной свободы, как будто поднятая Д.С. Мережковским в его статье «О причинах упадка и новых течениях в русской литературе», содержащаяся прежде всего в его высказывании «мы свободны — и одиноки», но созревающая в европейском философском и литературном контексте как минимум одно столетие. Постепенное освобождение личности-индивида, связанное с ослабевающим влиянием религиозного чувства и роли церкви в обществе ставило по-новому вопрос о нормах, которым индивид приспосабливает свое мышление и поведение, т.е. свой внутренний и внешний миры. По-новому, причем в заостренной мере, поставлен вопрос о саморегулирующих «механизмах», которые должны вытекать из свободной воли, свободных решений именно такого индивида, который способен по своей воле отказаться от влечений его инстинктов. Именно тут суть брюсовской дилеммы — внешне свободный, материально обеспеченный и даже кругом друзей опекуемый (они же в попытке помочь нашли ему женщину, на которой он женился) герой, натывается на внутреннюю не-свободу: его инстинкты, сулящие наслаждение, поглощают его полностью, превращая его в существо, зависящее от них и их воображаемого осуществления во сне.

Кажется, что Брюсов ставит и вопрос о вечной жажде не только свободы, но и удовлетворения индивидуального либидо. Противопоставив две страсти — любовь к женщине (страсть сексуальную) эгоистической любви к полной независимости (страстное желание никому и ничему не подчи-

¹² Ibidem, с. 50.

няться) — Брюсов тем самым поставил вопрос о том, насколько именно сознательное самоурегулирование возможно тогда, когда в человеческом подсознании действуют столь властные, мощные, энергетизирующие, но противопоставленные друг другу принципы. Полюбив, индивид теряет как минимум часть своей личной свободы, причем дело не только в любви к женщине, но и в любви «к ближнему»; добившись полной личной свободы (если бы это оказалось возможным), индивид теряет возможность любить и быть любимым. Оба полюса исключают друг друга.

Тема противоборствующих инстинктов влечет за собой несколько «побочных», из главной темы вытекающих тем. Это, в первую очередь, тема вражды двух полов, столь актуальной в произведениях и Брюсова самого (напр. рассказы «За себя или за другую?») или «Последние страницы из дневника женщины»), и других русских писателей того времени (напр. «Крейцера соната» Л.Н. Толстого, «Гражданин Уклейкин» И. Шмелева, «Санин» М.П. Арцыбашева, «Мелкий бес» Ф. Сологуба, «Бездна» Л.Н. Андреева и др.). Эта тема тесно связана с началом сознательного движения за права женщин, начавшегося во второй половине XIX века.

Кроме того, все это усиливается и вопросом о сопоставлении сознательного и подсознательного. Тезис критического реализма и натурализма, утверждавший зависимость личности от генетических и социальных условий, не способен дать ответ на многие вопросы индивидуального бытия и поведения — оказывается, что индивид иногда действует вопреки им, подчинившись каким-то импульсам в его психическом «мире», не сознавая даже, «откуда» и как они там появились. Тяготение к плохому, ко злу, к агрессивному эгоизму в подсознании тематизируется в качестве силы, которая, связанная с безнаказанностью, может перебить все благородные намерения, все общественные нормы и полностью овладеть волей и поступками человека. Именно сон, его виртуальный мир начал владеть мышлением и поступками героя рассказа, принес ему ни с чем в реальной жизни не сравнимое наслаждение. Нельзя тут не упомянуть о двух влияниях — о Ф.М. Достоевском, чьи «Записки из подполья» тематизируют именно агрессивное, злое, враждебное всем начало их героя, и о З. Фрейде и о его тезисах, касающихся сна как специфической трансформации чаяний и проблем, с которыми индивид сталкивается.

Мотив убийства в состоянии умопомешательства — один из мотивов, вписывающихся в круг тем, поднимаемых литературой рубежа XIX—XX веков — является, по нашему мнению, одним из возможных исходов всех выше перечисленных во внутреннем мире индивида накопившихся конфликтов. Они настолько остры, настолько существенны, что индивиду приходится найти их решение. Так как эти конфликты заложены в подсознании, они не поддаются логическому осмыслению, рациональному поиску возможных исходов. Приводя внутренний, душевный мир индивида

в момент заостренного кризиса в (полное?) смятение, исключив рациональное начало, кризисное положение становится экзистенциальным: виноваты в кризисе или я, или другие (социум), или внешний мир. Из это вытекают три возможные решения: или исключение/уничтожение внешнего мира (так как его физическое уничтожение невозможно) путем умопомешательства = ухода в другой мир, или самоубийство (уничтожение «я»), или убийство (уничтожение другого или других). Брюсов «выстраивает» сюжет так, что в начале его «психопат» уходит из сего мира в свой мир сна — в нем он счастлив, в нем смыты все противоречия, все трудности, в нем он может угождать своим подсознательным влечениям к злему и к агрессивному общению с другими. Потеря «своего» безопасного мира вновь актуализирует конфликт индивида и внешнего мира, в котором индивид не может стать «свободным». Конфликт заостряется — надо искать его решение, причем Брюсов использовал комбинацию двух из приводимых решений: сначала уход в сон (свой другой мир) как временная потеря рациональной власти над собой (т.е. специфический вид умопомешательства, даже раздвоения, так как его герой видит самого себя извне, видит «призрак» — поэтому в подзаголовке приводимая характеристика героя как психопата) связан с убийством жены, которую рассказывающий субъект считает причиной утраты мира без барьеров после заключения брака и которая может догадаться, почему он создал свой малый реальный мирок в библиотеке — и может его за это всячески «наказать». Убив жену, субъект может возобновить равновесие между своими чаяниями и их воплощением опять в «своем» мире сна, в мире психопата.

Брюсов не заканчивает историю своего героя — обрывает ее в момент совершенного убийства, появления посторонних людей и осознания убийцей того, что убийство произошло в яви, а не во сне. Неоднозначная позиция человека в мире, неоднозначный выбор между рациональным и иррациональным, колебание между соблюдением общественных норм (ограниченной свободой) и эгоистичным произвольным поведением (полной свободой) тематизированы. Эксперимент писателя закончен — вопросы поставлены.

Josef Dohnal — doc. PhDr., CSc. (доц. Йосеф Догнал, канд. фил. наук). Институт славистики Философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно, Чешская Республика; Кафедра русистики Философского факультета Университета им. св. Кирилла и Мефодия, г. Трнава, Словацкая Республика. Монографии: *Povídková tvorba Leonida Nikolajeviče Andrejeva* (Брно 1997, s. 136. ISBN 80-210-1605-1); *Proměny modelu světa v ruské próze na přelomu XIX. a XX. století* (Брно 2012, s. 178. ISBN 978-80-210-5943-6); *Русская «малая проза» рубежа XIX—XX веков в контексте изучения европейских моделей мира* (Нижний Новгород 2014, с. 186. ISBN 978-5-91326-326-1).